

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть воина

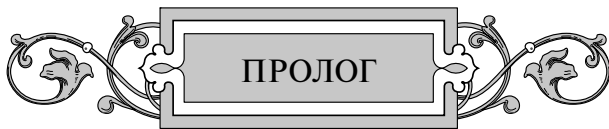
Смерти нет

Дерзкий

Я в роду старший

Сквозь огонь

ПРОЛОГ

Владиминова Русь вошла в последнее десятилетие первого тысячелетия сильной и обновленной. Однако и врагов, тайных и явных, слабых и сильных, у молодого государства хватало. Мелких хищников, мечтавших просто урвать шмат посочнее и удрать. И врагов сильных и грозных, мечтавших разорвать собранное из разновеликих земель государство на окровавленные и удобные для поглощения куски.

И удерживал их всех только страх. Понимание: дерни пардуса за хвост, и в следующий миг почувствуешь на горле его клыки.

Только это и останавливало.

Но не всех.

Вот почему в поход на хорватов Сергей Иванович не пошел. И людей своих великому князю не дал. Оставил себе сотню воев, а остальных частью перебросил в Морав, а частью отдал сыну Артёму, князю Уличскому. Уличской земле угрожала куда большая опасность, чем стольному Киеву. Духарев знал: гроза приближалась. Две большие орды степняков копились вблизи границ, выжидали непонятно чего.

То есть как раз понятно. Большие ханы Курэй и Питик привели своих людей уж точно не почтённые выразить.

Курэй особенно опасен. Старая подлая гадюка. Вдобавок кровник русам. Это он убил на Хортице Святослава, положив там же и его лучшую гридь. Сергей Иванович — единственный, кто тогда выжил. Да и то лишь потому, что копченые решили: мертв воевода.

То, что Курэй рискнул подойти к границе русских земель, — тревожный признак. Его кочевья неблизко. Духарев допускал: не по собственной инициативе явился большой хан. Ромеи подкупили. Официально меж Киевом и Константинополем вражды нет. Великий князь Владимир Автократору ромеев — родич. На сестре женат. Вдобавок император Василий ему — крестный. Выручил его Владимир в трудную годину, помог усидеть на троне. За то и обещали ему в жены порфирогенету, византийскую кесаревну. Обещать-то обещали, но когда нужда в подмоге прошла, попытались по обычной византийской повадке отыграть назад. Не вышло. Обиженный Владимир взял Херсонес-Корсунь, и пришлось Константинополю уступить. Вернее, поменяться. Корсунь на кесаревну. Так что могли, могли ромеи по той же всегдашней своей повадке натравить на Русь Курэя.

Большой хан Питик — иного пошиба. Этот только-только уселся на белую кошму предводителя орды. Для него сейчас главное — авторитет, так что и действовать он будет нагло и бесстрашно. Впрочем, это как раз в духе Хоревой, большой орды, которую он возглавил.

Две большие орды — уже много. А ведь есть еще и третья, Иртим, которая традиционно грозит

улицким землям. Именно с Иртим главным образом и бодается князь Уличский Артём. С Иртим и с независимыми уграми.

По счастью, дружбы между уграми и копчеными нет. Так же, как нет дружбы между Иртим и Хоревой. Вражда их родилась задолго до того, как возник на полоцкой земле Сергей Духарев. Конца ей не предвидится, и это хорошо.

А вот две большие орды на границе — это очень плохо.

Так что не рискнул князь-воевода Серегей передать даже часть своей дружины великому князю Владимиру. Хотя формально данное сыну Святослава обещание выполнил. Послал с великокняжеским войском младшего сына Илью.

Тот хоть и числился в лучших гриднях Владимира, но в состав киевской дружины не входил. Сейчас тоже оставался сам по себе. Командиром разведывательного дозора при головной части Владимирова войска, где старшим был давний друг их рода тысяцкий Волг Варяжко. Илью Варяжко принял охотно. Понимал, что будет от Ильи изрядная польза. Княжич уже бывал на хорватских землях и неплохо ориентировался. Особенно после того, как Сергей Иванович снабдил сына копией собственной карты.

ГЛАВА 1

Западная Русь. Будни боевого дозора

— Илья!

Лагодка. Илья улыбнулся девушкам, придержал заводную и поехал рядом с телегой.

С лекарами он познакомился пару дней назад. Викула, отрок из моровской дружины, которого Илья взял с собой в этот поход, получил стрелу в затылок. К счастью для Викулы, мрачноватого высокого кривича двадцати трех зим от рода, стрела была охотничья. Пробив кожаный тыльник, она растеряла почти всю силу и ушла вверх, не пробив, а лишь поцарапав крепкий отроков череп.

Лагодка Илье приглянулась, и Викула был передан в ее умелые руки. И впрямь умелые, потому что лекарка драть присохшие бинты не стала, а сначала размочила теплым травяным настоем заскорузлую от крови повязку, потом срезала спекшиеся в черный ком волосы, и лишь после этого взялась за саму рану: промыла, зашила, забинтовала чистым. И всё с приговором, от которого Викула не то чтобы сомлел, а задремал вроде...

И вот через два дня отрок снова в седле. А мог бы и неделю проваляться, а то и горячку подхватить.

Надо отметить, что это была первая боевая рана, полученная в нынешнем походе. Если, конечно,

можно назвать боевой рану, полученную от мальчика-хорвата, который стрельнул в руса в отместку за разграбленное сельцо.

* * *

Ограбили сельцо не русы, а какие-то бродяги, не имевшие к войску Владимира никакого отношения. Илья знал это наверняка, потому что в сельцо они вошли передовым дозором, на полверсты опередив голову походной колонны.

Паренька, понятно, изловили, но убивать его Илья не разрешил. Мальчишка, выстреливший пусть даже и в спину вооруженному воину, бронному всаднику, — хороший материал. Когда-то Илья и сам был таким. Правда, стрелял не в затылок, а в лицо, но всё же...

— Я — Илья Моровлянин, — сказал он побелевшему от ужаса парнишке, замершему в татуированных лапах нурмана Гудмунда. — Иди в город Моров, к наместнику. Скажи, что я велел взять тебя в детские. И больше не глупи. В другой раз не пощадят. Отпусти его, хольд.

— Неправильно это, — проворчал Гудмунд Праздничные Ворота. — Он нашего ранил. Кровь пролил. Кровь за кровь. Дай хоть руку ему отрублю!

— Викула! — обернулся Илья к пострадавшему. — Хочешь отомстить мальцу?

— Да пусть бежит, — проворчал кривич, заматывая голову льняной тканью: рана была не опасной, но кровила сильно.

— Гудмунд, если комар тебя куснет, ты тоже будешь за ним гоняться, чтоб лапку оторвать? — насмешливо спросил Илья. И добавил жестко: — Я сказал, отпусти его!

— Ты вождь. — Свей-нурман разжал пальцы, и мальчишка плюхнулся наземь прямо в навозную кучу. — И чтоб ты знал: мою шкуру не всякий комар прокусит.

— Викула, ты как? С нами или назад?

— С вами, — буркнул Викула, прилаживая шлем на забинтованную голову. Подшлемник пришлось спрятать, иначе не налезло бы. — А куда?

— Малец же сказал: те, кто их пограбил, только что ушли. Нагнать хочу.

— Эй! Я с вами! Покажу, куда они пошли! — подал голос малец-хорват.

Русы засмеялись.

Два десятка грабителей, груженные добычей телеги. Такой след даже ночью не потеряешь.

— На-конь! — скомандовал Илья и кивнул в сторону Викулы: — Миловид, приглядывай. Возгарь, Малига — замыкаете. Нагнидуб — со мной. Ходу!

* * *

Работы у лекарей нынче немного. Настоящих схваток еще не было. Так, мелкие стычки дозоров, в которых русы неизменно побеждали. Больше пострадавших не от врагов, а по собственной неуклюжести и невезучести. У кого конь споткнулся, кто спину надорвал, застрявший воз из грязюки вытягивая, кто животом маялся...

А с одним совсем смешно вышло (Лагодка хихикнула) — на гнездо осиное сослепу помочился.

Лагодка — милая. И интерес у нее к Илье — хороший. Не похотливый, как у подружки ее Чаруши, а... душевный. Илье с ней поговорить — что домой вернуться. И помочь не в тягость.

Лекарям в большом походе всегда есть чем заняться. Для того чтоб обиходить раненых да поломанных в бою, много чего требуется. Но это работа нетяжелая и несложная. Тем более что вытянуть увязшую в грязи телегу — и мужские руки сышутся. Да и пустые они, эти телеги, пока что. Сколько там веса в двух девушках? Пудов шесть?

Руки у лекарок заняты делом, зато языки свободны...

А тут — Илья!

К лекарям сын князь-воеводы всегда относился с особой лаской. Как-никак у него и матушка, и невестка целительницы. Так что заботился. То мясца подкинет свежего, то еще чем угостит. И другие вои при нем приставать побаивались. Всерьез, понятно, девушек не обидят, но многие на лекарок смотрят как на девок доступных. А это мало кому нравится. Даже... доступным. А тут глянет любитель сладенького на Илью, который рядом с телегой едет, и быстро сообразит, что девушки под его десницей.

А десница у княжича моровского ой тяжеленькая!

— Куда ездил, Илья Серегеич?

— Хвост проверял, Лагодка. По велению князьему. Не потерялись ли.

— А впереди что?

— Пустая дорога. В тот раз поучили шалунов, других пока не нашлось.

Но — найдутся. Вряд ли князь хорватский Собеслав откажется от мысли оставить русское войско без припасов. Это ж двойная выгода: и себе помочь, и врагу подгадить. А что смерды, у которых вынесли всё, включая посевное зерно, с голоду помрут, так это уже не Собеслава забота. Пусть теперь киевский князь думает, как данников своих примученных поддержать.

— Всё спокойно, не бойтесь...

* * *

— И зачем нам эти хапуги? — проворчал Бочар Нагнидуб, поравнявшись с Ильей. — Сколько они того зерна увели? На золотник и то не наберется. А отнимем, ты что, сам торговать его станешь?

— Во-первых, не на золотник, а побольше, и не только зерно, — Илья чуть придержал прибавившего рыси Голубя — жеребцу не понравилось, что его догнали. — Во-вторых, зачем торговать? Я его нашим фуражирам отдам. А в-третьих, Нагнидуб, мы нынче не по вражьиим землям промышляем. Мы — передовой дозор великокняжьего войска!

— Не понял, — нахмурился Бочар. — Это же война. Значит, всё, что возьмем, — наше по праву! И поровну! — И, спохватившись: — Тебе, понятно, три доли как старшему.

Илья засмеялся:

— Это не вик нурманский, Бочар! И не война. Это, друже, возвращение того, что прежде было нашим, а потом отложилось. Так что со смердами здешними мы точно не воюем. Это как с брюквой воевать или с морковкой. А вот ежели кто этих смердов грабит, то с ним уже у нас война. И не как с честным врагом, а как с обычными разбойниками.

— Умный ты, — Бочар хмыкнул. — Так всё растолкуешь, что аж зуб нить начинает.

— Не тот ли, который тебе наемдни Малига щитом вышиб? — ехидно поинтересовался Илья.

— Я ему тоже... приложил, — буркнул Нагнидуб, которому зуба до сих пор было жалко. А еще обидно от того, что Малига, уступавший Бочару ростом и силой, намного превосходил того ловкостью и умением. И побить его в шутейном поединке у здорового Нагнидуба не выходило никак. А если он

увлекался и забывал, что поединок шутейный, Малига его тут же наказывал. Вот, без зуба оставил.

— Мы — дозор, — наставительно произнес Илья. — Наше дело — выявить всё, что может помешать движению войска. И устранить, если сумеем. А если не сумеем, сообщить о том воеводе.

— И чем же может помешать движению войска шайка грабителей?

— У тебя, Нагнидуб, голова, чтоб думать или только вшей разводить? Знаешь, сколько одного только фуража коням надо?

— Нет у меня вшей! — обиделся Бочар. — Что я, копченый? Иль жрец нурманский? А про фураж войсковой мне знать ни к чему. Чай, свои кони голодными не останутся, а о других пусть другие думают.

— Думать, Бочар, это... — начал Илья, но оборвал фразу: — Голубь, стой.

Жеребец послушно остановился. Илья напряг слух...

Подъехал Малига. Тоже послушал. Теперь, когда копыта коней больше не хлюпали по грязи, звуки стали совсем отчетливыми. И понятными.

Илья глянул сверху на Малигу. В отличие от простодушного Нагнидуба, тот был умен. И опытен. Не простой гридень — сотник. Илья хотел оставить его наместником в Морове, но Малига отказался. Попросился на войну с хорватами.

— Зачем тебе? — удивился тогда Илья. — У меня отряд маленький, ты даже не десятником, простым воем будешь.

— Простым воем, зато под Ильей Моровским, — улыбнулся Малига. — Скучно мне, княжич, воевествовать. Неумехам всяким носы подтирать да подпруги подтягивать. Не жизнь это для меня — тоска. Не обижай, Илья Серегеич!

— А Моров на кого?

— А хоть Гордея у князь-воеводы попроси! — обрадовался Малига. — Ему в самый раз.

Илья подумал немного...

И согласился.

Гордея он знал. И знал, что наместник из Гордея выйдет толковый. Да и Малигу хотелось с собой взять — будет с кем посоветоваться.

Но для начала посоветовался с батей насчет Гордея. Князь-воевода выбор одобрил. И даже похвалил: мол, научился Илья в людях разбираться.

Илья признался: Гордея Малига предложил.

— И что с того? — пожал плечами князь-воевода. — Малига — твой человек. Раз приблизил его и слушаешь, значит, разбираешься.

На том и порешили.

И теперь Малига рядом с Ильей. В полусажени. Ближе некуда. Крестили Малигу Аристархом, но христианское имя как-то не прижилось. Может, и правильно. Не захотел Малига начальником стать¹.

Хотя простым воином он уж точно не был. Броня на нем — не у всякого сотника такая. Илья подарил. За дело. Да и прочая амуниция не хуже. Что в бою взял, что купил. Давно воюет Малига. Дольше, чем Илья на свете живет. С виду прост. Лицо круглое, нос картошкой, бородка стриженная, вокруг глаз морщинки, будто улыбается часто. Только не от улыбки они, а от прищура. Для того, кто вдоволь пополевал в печенежских степях, такой взгляд — обычный.

— Что скажешь, сотник?

---

¹ Греческое имя «Аристарх» означает «наилучший повелитель».

— Телег десятка два. Быки тянут. Коней, думаю, столько же. Сказал бы точнее, да в этой грязюке не разберешь, а по звуку — где-то так. От нас — недалеко. Будь дорога прямой, уже могли бы стрелой достать.

— Бьём?

— Пожалуй. Ты живьем кого взять хочешь, княжич?

— Ясно, хочу. И не кого-то, а старшего.

— Тогда я бы посоветовал спешиться и бегом через лес.

— А потом бегом конных догонять, когда они телеги бросят и дадут драпака? — влез Нагнидуб.

— Кабы ноги у тебя были такие же быстрые, как язык, ты, Бочар, тарпана бы в степи догнал, — осадил его Малига. — Молчи и слушай. А если не понимаешь, тем более молчи.

— По лесу скрытно — трудно, — заметил Илья. — Деревья, кусты голые.

— Нам шибко бежать не придется — быки тянут медленно. Слева склон удобный. Кусты густые. Дорогу перекроем — верхами не уйдут, а пешими пусть попробуют. Вон Бочар у нас — бегун знатный.

Нагнидуб промолчал. Возражать Малиге — на обидное нарываться.

— Разумно, — согласился Илья. — Побежим мы с тобой, Малига, еще Нагнидуб, Гудмунд и Рулав. Остальные — верхами, по дороге. Викула, ты как?

— Могу, — отрок похлопал по кожаному налучу.

— Вот и хорошо. За конями присмотри.

Разочаровал. Но в бой без нужды Викуле лезть не стоит. Вид у него неважный.

Илья спрыгнул наземь. Снял с седла щит. А вот лук с колчаном оставил. Стрелы метать будет кому.

— Так и держитесь, как сейчас, — приказал конным. — Крикну — начинайте. А мы побежали!

И побежали. Склон не очень крутой. Дорога выше. Под ногами похрустывают промерзшие листья: почище, чем на тракте, и не так скользко. Хотя приходится петлять: в полной броне через кусты и поваленные стволы особо не попрыгаешь.

Бежать приятно. Ногам. А то всё верхом да верхом. Особенно если бежать не напрягаясь. Илья и не напрягался. Пустил вперед Гудмунда и Рулава, которым посоревноваться в удовольствие. Не просто бегут — теснят друг друга. Играют.

Малига рядом. Ему тоже легко.

Кому трудно, так это Нагнидубу. Бронька на нем двойная до колен, да кованые наплечники, да щит здоровенный, с круговой оковкой, да в верховых сапогах стальные вставки. От удара мечом спасают. Илья тоже такие хотел себе сделать, когда только-только снова ноги обрел. Богуслав отговорил. Пояснил: польза, только если ты — поединщик и противник о вставках не знает. А в бою только тяжесть лишняя. Проще ногу убрать. А всаднику такие штуки и вовсе ни к чему. Если собственную ногу защитить не можешь, как тогда коня защитишь? Но Нагнидуб железо любит. Ему лишний пуд — не помеха. Впрочем, в отряде Ильи слабаков нет. Так что Бочар со своим железом пыхтит да потеет. Но не отстает. И не отстанет — гонор не позволит. И Илья это знает.

Повозки они уже давно обогнали. Но не остановились. Во-первых, еще место надо выбрать подходящее, во-вторых, грабители могли дозор вперед отправить. Илья бы отправил. Волы-то пахотные, там же, в селе взятые. Еле тащатся.

Но сейчас самое время кого-то наверх послать. Кто тут у нас самый молодой, не считая пыхтящего Бочара и самого Ильи?

— Рулав! Сбегай, глянь, что на дороге.

Варяг тут же рванул наверх.

Хороший воин Рулав Самый-Младший-Барсучёнок. Настоящий природный варяг. Илье с ним хорошо. Как с братом. Младшим братом, которого у самого Ильи нет. И Рулаву с Ильей хорошо. Он привык быть младшим, шестой сын Стемида Барсука. Хотя давно уже опоясанный гридень и годами постарше Ильи. Но тоже не женат. И не торопится. У него другая мечта: собственная боевая ладья. И будет. Если не убьют. Однако, чтоб убить Рулава Барсучёнка, врагов вокруг должно быть много, а друзей — никого. А это у русов-дружинников — большая редкость.

Побежали дальше. Илья размышлял. На бегу хорошо думается. Не о предстоящей стычке: там все просто. О будущем. Например, о разговоре, который случился у Ильи с батей незадолго до похода.

Киев

— Князь Фарлаф тобой интересуется.

Илья настороженно поглядел на отца:

— Уж не из-за Мурома ли?

В Муроме Илья чуток порезвился. Убил наместника и казну его забрал. За дело, по справедливости. Наместник этот Илью подвел под родичей-разбойников, с которыми вместе скверные дела проворачивал. Илья до сей поры был уверен, что сделал все скрытно и подумать должны как раз на этих родственничков. Неужели Фарлаф что-то вызнал? Тогда почему батя так спокоен?

— Из-за Мурома, — кивнул князь-воевода. — Но наместник, которого ты прихлопнул, ни при чем. Фарлаф хочет тебя самого — в наместники. Гово-

рит, понравилось ему, как лихо ты с Соловьем разобрался. А то у него разбойники, вишь, совсем страх потеряли: наместника княжьего прямо в тереме зарезали, — князь-воевода дернул себя за усы, усмехнулся. — Считает, что ты порядок наведешь.

— А кто сейчас в Муроме распоряжается? — спросил Илья.

— Акун, сын Фарлафов. Младший, а ныне — единственный, кто в живых остался.

— А мне, значит, его сыну — в помощники? — скривился Илья. — Не пойду.

— Зачем в помощники? Я ж сказал: ты наместником будешь, Акун — под тобой.

— Вот как? Он что, малахольный, этот сын Фарлафов? Зачем ему подо мной ходить?

— Акун — воин справный. Я б его сотником в гридь без раздумий взял. Однако вопрос правильный. Сам как думаешь?

Илья пожал плечами. Ничего в голову не приходило, кроме того, что черниговскому князю и впрямь надо разобраться с разбойниками. Но будь это так, батя и спрашивать бы не стал.

— Ладно, — снизошел Сергей Иванович. — Поясню. В давние времена, когда воевода Хельгу, Олег по-нашему, взял под себя Киев для Рюрика малолетнего сына Игоря, с князем Черниговским он бодаться не стал. Договорились тогда мирно, союзно. Враги-то были общие: печенеги, хузары да угры. В договоре Олега с ромеями Чернигов был вторым вписан, сразу после Киева. С Игорем, когда тот, после смерти Олега, наконец-то стал сам править, у Чернигова тоже бодалок не было. Человеком Игорь был неплохим, а вот князем неудачливым. Чернигов при нем изрядно усилился. Потом, когда правили Ольга со Свенельдом, Чернигов тоже стоял креп-